

Сковородка падает на пол, и недоделанный горячий блин растекается по кухонной плитке. Я не стану ругаться, сама виновата. Пора бы уже перестать пугаться звуков стрельбы.

— Ты вернулся, любимый, — улыбаясь, я целую его в щёку. Одежда пропитана запахом дыма и пороха, такая родная и тёплая. — Я же тебе говорила, не стреляй возле дома, чего ты?

Он сжимает мои плечи и отталкивает, проходя внутрь дома, и обеспокоенно копошится в вещах. Милый и сам прекрасно знает, что стрелять у дома — верх бесшабашности. И я знаю причину этого — не впервые.

— Собирайся.

— Снова дал им себя обнаружить? — хмыкаю я, уже беря заранее подготовленный чемодан.

Я не киллер, но я практически всё знаю о них. Я всегда держу наготове небольшую дамскую пушку, чтобы суметь за себя постоять, хотя толком применять её мне ещё не доводилось. Я живу на чемоданах, и меня это устраивает. Я самоуверенно позволяю себе подкалывать мужа, намекая на его некомпетентность, именно потому, что знаю: он никогда и ни за что не проиграет и не сдастся конкурентам.

Я никогда не была его жертвой, как это часто бывает в романтических драмах. Уж тем более — я никогда не была киллером-конкурентом. Я всегда прекрасно знала, что детей у нас не будет, потому что его работа — противоположна этому. Смерть — рождение, никогда не сойдутся. У него не должно быть детей, потому что любовь для киллера — слабость. Ему хватает и меня. Он прекрасно знает, что подвергает меня опасности, но пока что это не страшит такую глупую барышню, как я. Меня уже заказывали бесчисленное количество раз, но он всякий из этих разов умудряется перекрыть пламя мести, направленное на меня, оттолкнуть, при этом сам получив ранение. Ни больниц тебе, ни защиты от полиции.

Я никогда его не покину. Я его опора, я его больница, и да... Я по-прежнему его слабость, и меня в любом случае уже никогда не оставят в покое.

Я знала его со школы. Вместе мы ходили на концерты любимых групп, иногда выпивали в компании друзей. Он был неразговорчив и не очень любил шумные компании, однако, когда его звали, он никогда не отказывал. Он и сейчас не отказывает.

Порой он пропадал на несколько месяцев, я почему-то очень переживала, но никто не знал, где он живёт. Я днями и ночами ходила тёмными улицами города в надежде, что мельком его увижу. Лишь на миг. И в этот самый случайный миг над моей головой свистит пуля, а человек, шедший передо мной, падает замертво. Тёмно-бордовая кровь в темноте выливается на асфальт. Я, дрожа и бесконтрольно пуская слёзы, разглядываю отражение в окнах высоких многоэтажек, а в этом отражении я вижу саму смерть — киллера. Это была его первая ошибка. Она не стала последней.

Я всем сердцем люблю его и боюсь за него, хоть и знаю, что он лучший. Это

подтверждает и то, что его так часто заказывают. Оттого он и бегает по крышам и подвалам, но никогда не позволяет оппонентам переступить черту.

На новом месте с новой сковородой я пеку новые блины и надеюсь, что они будут вкуснее и обязательно понравятся моему любимому, который сидит в ожидании на кухне у окна. Запах тянется к нему, вылетая на ночную улицу, очаровывая людей, которые голодными идут со своих работ. Это прекрасное место, с хорошим обзором. Любимый ждёт и улыбается в предвкушении, пуская слюни и отгоняя от себя прекрасный запах. Он преподносит палец к губам в ответ на моё хихиканье и с романтичным взглядом смотрит в окно.

— Эй, если будешь таким, не дождёшься, — с театральной угрозой я замахиваюсь на него лопаткой.

— Уже дождался, — шепчет он.

Проверяет состояние глушителя. Пальцами он гладит курок нежно, как кожу возлюбленной. Вглядывается в прицел. Глухой выстрел. Цель повержена. Снайперская винтовка прячется в окне.

— Ну вот, теперь я готов.

— Дождался-таки блинчиков, — улыбаясь, я подаю ему полную тарелку тёпленьких и свеженьких. — Завтра обязательно приготовлю стейк.

А наступит ли завтра? Я задаюсь этим вопросом и думаю, что же станет, если однажды появится киллер, который одолеет любимого. Или, постарев, мой не сможет дать достойный отпор молодому поколению? Я часто слышу от него подобные истории, и они меня пугают. Он рассказывает, что они делают с семьями некогда известных и неприкословенных, а ныне убитых киллеров. Что он делает. Жён и детей травят, сжигают заживо, расстреливают, как скот. Всякие придумывают изощрённые способы, почти соревнуются в жестокости.

При уходе из дома все вещи мы оставляем там. Забираются лишь его драгоценные пушки и большой крепкий сейф. В нём — все заработанные мужем деньги. Он говорит, что в случае чего весь этот сейф — мой, и я должна разумно использовать эти деньги, чтобы спастись: сделать другой паспорт, пластику, нанять телохранителя или, в крайнем случае, другого киллера. Он предусмотрительный. Ключ хранится у меня, но я прячу его в самой глубине сумочки, в самом тайном кармане. Я не допускаю даже мысли о его провале.

Когда мы вместе смотрим кино или лежим в постели, он не может сомкнуть глаз. Его мучают кошмары меньше, чем собственная настороженность, переросшая в параноическую боязнь за наши жизни. Даже всемогущий чего-то страшится. А я целую его руки, шею, ключицы. Он содрогается и не может расслабиться, как бы я ни пыталась его успокоить. Уверена, он чувствует себя со мной в опасности, пусть я и слаба, и не желаю ему зла. Но я знаю слишком много и знаю слишком хорошо, а для таких, как я, знать — всё равно что костёр бензином тушить.

— Ты чувствуешь запах дыма? — он подрывается с кровати.

Его инстинкты никогда не подводят. Нас снова нашли и снова пытаются убить. Мы снова бежим. Мы бегаем по всему свету от кровожадных псов. И я, наверное, сумасшедшая, потому что я люблю это: эти погони, спасения, игры с жизнями. Не потому, что мне это нравится. А потому, что это — часть его, часть нас, нашей жизни. И так должно быть всегда.

Ночи с ним особенно жаркие, тем более, если рядом пылают дома, а над нами свистят пули. Беспечность — это роскошь, но иногда, лишь иногда... она допустима. Ему, а не мне.

Я принимала его таким, каким он был. Я всецело отдавалась ему без остатка, отдавала своё доверие, время и жизнь. Я была его, а он был моим с самого начала. Он был мне защитой от реального мира, я — его защитой от мира окровавленных снов. Мы были единым целым, и я никогда не допускала мысли о его поражении в схватке с другим киллером. Но он допустил свою вторую и самую последнюю ошибку. Он проиграл одну схватку. Схватку с деньгами.

Я никогда не боялась смерти, я жила с ней рядом. Я знала, что всякая жизнь имеет свою цену. А моя, если учесть, сколько раз меня заказывали, стоила очень немалых потраченных денег.

Меня заказывали — я узнавала об этом первая. Киллеры не скрывали себя тщательно, в отличие от моего мужа, все они были дилетантами. Они стреляли издалека, но я всегда носила бронежилет, а голову держала выше оконных рам. Когда ела, сидилась, ложилась — в комнате без окон, чтоб не пробили. На работу я не ходила, не нуждалась в этом. И некоторые киллеры приходили в наше гнёздышко. Дамская пушка выручала всего пару раз, а муж потом расправлялся с остальным. В других случаях — либо дома был милый, либо я быстро реагировала и выпрыгивала из окна. На этот случай муж снабдил крючками и верёвочными тросами, чтобы можно было зацепиться и не убиться ко всем чертям. Киллеры действовали по одиночке, и в это время на улице меня никто не поджидал, и каким-то чудом я оставалась жива, успевала убежать от шальных пуль. Идти в полицию — вообще не выход: один раз их всех там перестреляли залпом. Приходилось бежать в подвал и прятаться в подготовленном на этот случай бронированном сейфе со стенками толщиною в метр, запирающимся изнутри. Муж, приходя домой и не обнаруживая там меня, сразу же бежал к моему убежищу и, находя там киллера, убивал. Не находя, освобождал свою непутёвую жёнушку — постукивал тайный пароль по стенкам сейфа с помощью азбуки Морзе, и я с радостными воплями и размазанными по лицу соплями вылезала его целовать. Похитить меня ещё никому не удалось.

Я впервые не узнала, что меня заказали. Никто не нападает целый вечер, муж спокойно ест приготовленный мною пирог с печенью и восхищается дивным вкусом. Я не параноик, но мне боязно за его жизнь, будто кто-то задумал отнять у меня любимого. Периодически поглядываю на него, нарезая помидоры на салат. Подобное отвлечение приводит к тому, что я неаккуратно режу палец. Слёзы накатываются на глаза, и начинаю ныть, как маленькое дитя.

— Кро-о-овь, — хныкаю я. Пора бы уже привыкнуть, но страх перед этим с детства не отступает. И как же это глупо.

Любимый подрываетя, хватает пластырь из аптечки и сломя голову бежит ко мне. Слизывает кровь с нежностью, целует руки, клеит пластырь и обнимает меня, утешая.

— Глупышка моя. Не бойся. Всё будет хорошо. Ты привыкнешь к крови.

— Нет, не хочу, — я глотаю слёзы, пытаясь успокоиться.

— Это не важно. Всё равно я этого дня не дождусь.

Я поднимаю глаза и вижу слёзы в его взгляде. Резко отталкиваю, потому что это неправильно, потому что я виновата в том, что плачет киллер. А он плакать не должен никогда, даже от смерти близкого. А уж тем более — от порезанного пальца другого человека.

— Что..? Что случилось, милый? — я проглатываю ком в горле, переминаясь с ноги на ногу.

Он смешён. Меня вроде бы и дразнит его красное лицо, сопли из носа, но нет. Слёзы катятся у мужа по щекам и падают на пол. Левой рукой он прикрывает глаза, чтобы я не видела, не прочитала в них ничего, а правой... тянется к рукоятке кухонного ножа.

— Милый! — я кричу до хрипа в горле, отступая к окну спиной — впервые так небрежно подставляюсь под прицел возможного снайпера за окном.

— Молчи, прошу, молчи... Не заставляй меня страдать ещё сильнее, — скулит он, направляя нож на меня. Шею сводит, я стараюсь отойти дальше, чтобы лезвие и сантиметром не коснулось кожи, но некуда.

— Сколько? Сколько тебе заплатили за это? — он молчит и лишь рыдает. Мы это делаем синхронно, только вот я срываюсь на крик. — За сколько ты продал меня, отвечай?!

— Больше, чем ты можешь себе представить! — отвечает он тем же тоном, психованным, нервным, испуганным. И я его действительно не узнаю. — Дороже всей нашей страны, дороже нескольких стран. Вот сколько ты стоишь для меня. Не кричи, не сопротивляйся, иначе заказчик не распознает твоего лица. Прошу, любовь моя, - и от последних слов хочется блевать.

Я никогда не боялась смерти. Я никогда не думала, что буду предана тем, кому посвятила свою жизнь, что её разменяют на монету. Если бы я знала, то не захотела бы так «жить», лучше бы было сразу умереть. И я бы могла сдаться в его объятия, объятия самой смерти, ненасытной и подлой, но нет. Не сегодня.

— Пошёл ты к чёрту, любимый! — кричу я сквозь зубы, рычу, подобно животному, атакую. И всё равно от последнего слова теперь уже гнусно на душе.

Моя пушка и в этот раз не пригодилась. Никогда не думала, что самый лучший в мире киллер будет убит в порыве самозащиты кухонным ножом, спрятанным за спину собственной жены.

Много знать — это самоубийство. Позволять много знать — тем более.

Любить людей — не слабость, а деньги — да.

Кровь растекается по кухонной плитке. Я смотрю на свой порезанный палец и на лужу крови, сравнивая, сдерживая ком тошноты в горле, и перешагиваю через труп, который в этот раз убрать будет некому. Роюсь в сумке, открывая все потаённые кармашки, и достаю заветный ключик от нашего сейфа. Моего сейфа. Или, всё же, *нашего*?

Больше, чем я могу себе представить. Дороже всей нашей страны, дороже нескольких стран. Вот сколько я стоила для него. Вот сколько я держу сейчас в своих руках. Вот почему я не понимаю той лёгкости, с которой можно совершить убийство.

Моя жизнь, право, не стоит и миллиардной доли того, что за неё отдали. И я бы ушла без борьбы и горечи. Но есть то, что гораздо дороже всей нашей страны, нескольких стран и того, что я стоила когда-то для него...

И это — жизнь в моём чреве.

[Страница книги Жена киллера в интернете](#)